

A close-up photograph of a woman with blonde hair and green eyes. She has a large, dark purple bruise on her left cheek, around her eye. Her right hand is pressed against her mouth, covering her lips and chin, suggesting she is silent or in shock. She is wearing a white tank top.

ПОИСКИ ПРОПАВШЕГО БЕЗ ВЕСТИ

Татьяна Рубцова

Татьяна Рубцова

Поиски пропавшего без вести

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Рубцова Т.

Поиски пропавшего без вести / Т. Рубцова —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Андрей Коренев — дезертир — берет в заложники молодую женщину, которая приехала в Москву на поиски мужа. Кто же он, этот беглый солдат? Хладнокровный убийца или человек, пытающийся просто выжить? И куда заведет его однажды сделанный неверный шаг и привычка убивать, хладнокровно и безжалостно.

© Рубцова Т.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Татьяна Рубцова

Поиски пропавшего без вести

Часть 1

Молодая женщина сидела со своей маленькой дочкой на диване. Ее прямые белокурые волосы были собраны сзади в короткий хвост. Лицо правильной овальной формы выглядело юным и наивным, но твердо очерченные губы уже научились горько сжиматься, а в голубых, как яркое безоблачное небо, глазах, застыл невысказанный вопрос. Девочка была похожа на мать, но по-детски пухленькая, нежная и невинная. Даже белые совсем, тоненькие волосы ее были собраны в такой же хвостик, затянутый разноцветными резинками. Мать и дочка тесно обнялись и смотрели по телевизору двухчасовые «Вести», шедшие по ОРТ.

– ... «ЧП» произошло в воинской части города N...ска, – говорила девушка-диктор. – Солдат-первогодок Андрей Коренев ударил офицера и, вооружившись автоматом, бежал. Была поднята по тревоге патрульная команда, но поиск рядового ничего не дал. Он исчез, растворился в кривых улочках старого города...

– Мама, а ты поедешь в N...ск? – спросила четырехлетняя девочка, глядя с дивана, как на экране мечутся силуэты, живо иллюстрируя слова диктора.

– Нет, – женщина встала и нервно прошла к окну, выходящему на застекленную веранду. Там она поправила легкий тюль, и раздвинула шире плотные портьеры, сшитые из бархата.

– Правильно, не езд. Там люди растворяются. А ты куда поедешь?

– В Москву.

– А что скажешь папе? Не забудешь сказать, чтобы купил мне огромную куклу, которая поет, и велосипед?

– Нет.

– Я соскучилась.

– Правильно, котик, и я тоже.

Женщина села рядом с дочкой, подобрала ноги и, обняв ее, прижалась щекой к пухленькой детской щечке. Городские дети не бывают румяными, но и бледной девочка не казалась: легкий летний загар покрывал ее нежное личико. Мать и дочь замерли, обнявшись, и были они сейчас удивительно похожи: красивая молодая женщина и ее маленькая копия.

– ... В оперативном порядке было поднято подразделение ОМОНа. Кровавый след привел их в магазин 417 K...кого района, торгующий мехом. Коренев, войдя в сговор с тремя преступниками, двое из которых находились во всероссийском розыске и используя свой автомат, совершил дерзкое ограбление, изъав деньги и товар на сумму в три миллиона российских рублей. При этом был тяжело ранен владелец этого магазина, а продавец избит и связан.

– Меня ударили чем-то тяжелым по голове, а когда я очнулся, то лежал в темноте рядом с Артемьевым. Я еще подумал тогда, что он умер...

– Чем была нанесена рана?

– Ножом. Такой финский нож с выскакивающим лезвием. Они у нас и личные вещи забрали. Ну, например, мобильный телефон. Мой лично стоит 500 зеленых.

– Преступникам не удалось уйти далеко. Грибниками было обнаружено три трупа с огнестрельными ранами. Так рядовой Коренев избавился от своих подельщиков и один завладел украденным...

– Бабуля пришла! – закричала девочка, которой уже наскучила передача, потерявшая прелесть новизны. Все внимание ее переключилось на бабушку, открывшую дверь своим ключом и теперь разуваящуюся в тесной прихожей.

– Беги к ней.

– Бабуля!

– Моя деточка! Одуванчик мой, – бабушка, в отличие от своей дочери была темноволосая. Волосы ее, собранные в пучок на затылке, тронула седина. Крупная и плотная, с твердым, прямоугольным лицом, на котором отражались все невзгоды ее жизни, женщина все-таки когда-то была такой же милой и нежной, как ее дочь.

– Купила конфеты?

– Конечно. Возьми сумку, Ольга, разбери.

Та послушно взяла у матери сумку и пластиковый пакет и пошла на кухню, а внучка все еще крутилась возле любимой бабули.

– Ольга, слышь, – крикнула та, обнимая одной рукой внучку, а другой – держась за косяк. – Ольга, достань там, в целлофане, носки, мы забыли купить. Мне за ними даже возвращаться пришлось по такой жаре.

– Спасибо, мам.

Но та уже не слушала. Она достала из кармана своей юбки два леденца и угощала ими внучку. Она нервничала, переживая разлуку с дочерью, и скрывала это за резкостью, почти грубостью.

Дочь понимала это. Отложив в сторону носки, она подошла к матери, обувающей домашние шлепанцы, и обняла ее.

– Ну ладно, мам. Может мне не ездить?

– То есть как это. Ты уже и билет купила.

– Сдам.

– А зачем же квартиру продала? Бегала, сколько бумаг оформила, сколько денег потратила. А нервы, – она со вздохом опустилась на диван, и дочь ее уселась рядом, прижавшись к ней.

– Ох, мама.

– Вот тебе и мама. Отпуск без содержания тебе дали? Вот и радуйся. За три месяца всю Россию объехать можно.

– А как же вы?

– Не беспокойся, не умрем. Только я смысла в этом не вижу.

– Ну, мама!

– Вот тебе и мама. С самой зимы от него ни слуху, ни духу, а ты готова на край света бежать за ним. Он на твой день рождения поздравил тебя? Хотя бы позвонил по телефону, сказал что, и то приятно.

– Значит, не мог.

– Не «не мог», а не хотел. Он там себе другую нашел, нужна ты ему. Плевали они сейчас на жен и детей.

– Мама, Витя любит нас!

– Да уж, конечно.

– Не надо, мам, опять поссоримся, – Ольга рывком отстранилась от матери и села в угол дивана.

– Да уж, конечно.

– Все, хватит.

Ольга вскочила и начала бегать по комнате. Маленькая дочка ее, занятая конфетами, теперь подняла голову и, не понимая, не шевелилась в своем кресле, куда она уселась есть лакомства.

– Мама, ну пойми, – продолжала Ольга нервно, – Витя никогда не обманет нас и не предаст, он любит Иришку, любит меня, мы его жизнь, он сам всегда говорил это.

– Говорил... Они сейчас все говорят. То звонил каждую неделю, а то как отрезало. А писем ты ему уже сколько послала до востребования. Сотку его украл, как же.

– Вот именно, мама. Он же сказал в последний раз, что нашел себе денежную работу и надеется купить нам маленький домик под Москвой уже в этом году.

– Ну да, как же. А после этого даже с днем рождения не поздравил.

– Он заболел или что-то случилось, не знаю. Я чувствую, мама, что он в беде. Я просто должна ехать к нему, я обязана, мам, иначе, я – просто сволочь. Да что это ко мне это слово пристало.

– Ладно, ладно, езжай, мне-то что. Вон твой билет. И сумку ты собрала. Давай, езжай. В беде, как же. В такой же беде, как Гулькин муж или Нелин зять. Вот как. Господи, скорее бы все это кончилось.

Кончается все. Кончилось и расставание. Пришло время прощания, и в понедельник после обеда Ольга вышла из дома, неся в руке небольшую клеенчатую дорожную сумку весом восемь с половиной килограммов. Мать не провожала ее, оставшись дома с внучкой, так попросила Ольга.

– Мама, мама, – кричала с балкона Иришка. – обязательно разыщи папу. Мама! Я его очень люблю!

Ольга тоже любила своего мужа. Полгода безвестности, прошедшие после звонка Вити, дались ей нелегко. Она писала письма, но письма возвращались назад. Она звонила, но по этому номеру ей ответил другой человек. На прежней квартире его никто не видел. Он нигде не появлялся, а точнее выяснить было невозможно. Последнего адреса Вити Ольга не знала, муж поселился там перед Новым годом. А потом он просто исчез.

Думая об этом, Ольга сидела в зале ожидания на жесткой скамье, обтянутой дерматином.

– Девушка.

Ольга вздрогнула от неожиданности и подняла голову. В наше время так обращаются ко всем особам женского пола, выглядящим достаточно молодо, и плевать, что у очередной девушки на днях родился первый внук. Да и как к ней обращаться, не бабушка же.

Перед Ольгой стояла женщина лишь немногим старше ее самой, полная брюнетка, одетая строго и по-деловому, и с ярким гримом на квадратном лице. Толстые люди обычно выглядят добродушно, но она: может быть из-за очень крупного носа и маленьких глаз, или из-за большого рта с резко очерченными губами и тяжелого подбородка, казалась грубой и высокомерной. Ольгу удивило, что такая женщина сама заговорила с ней.

– Девушка. Простите, что беспокою. Скажите, это весь ваш багаж?

– Да, – Ольга не могла понять, что от нее надо, поэтому удивленно и немного настороженно глядела на неожиданную собеседницу.

– Вы не поможете нам? У нас лишний груз, понимаете? Вы не запишите сколько-нибудь на себя?

– Зачем? – глупо спросила Ольга, и женщина стала терпеливо объяснять.

– Ну, я же вам сказала: у нас много вещей, а на человека положено 5 килограмм ручной клади кроме багажа. У нас сильный перебор, понимаете?

– Да.

– А как у вас насчет багажа?

– Никак.

– То есть – нет?

– Да, нет.

– Тогда запишете на себя наш? Вы не волнуйтесь, если будет перебор, заплатим мы.
Ольга, не найдя, что ответить, кивнула.

– Андрей, Андрей, – закричала женщина, но на зов к ней подбежали два мальчика 8 и 12 лет. – Где папа?

– Идет.

– Вот он. Папа.

– Папа.

Мальчики кричали и подскакивали на месте. Но женщина не обращала на них внимания. Она нетерпеливо ждала приближения лысеющего шатена, невысокого и пухлого, с пивным животиком, рельефно выпирающим под легкой рубашкой. Это был добродушный стоик. «Я перенесу все», – было написано на его круглом лице интеллектуала и карие, грустные глаза подтверждали это.

– Быстрее иди, Андрей, – громко позвала она и уже тихо добавила: – Двигаешься, как черепаха. Мамаша не отойдет от вещей?

– Нет, нет, не беспокойся.

– Тебя дождешься, уф. Я вся измоталась. Вот девушка берет на себя наш багаж.

– Весь?

– Да нет же, конечно. Что за странный вопрос. Помоги ей сдать нашу клеенчатую сумку и связку одеял. Там даже меньше двадцати килограмм, но все равно будь рядом, они там перевешивают. Если что, доплатишь. Только, ради Христа, не спорь с ними.

– Я и не собирался.

Судя по всему, Андрей вообще ни с кем не спорил. И несмотря на то, что их все же обвесили, он даже и глазом не моргнул, стоически заплатив за перевес.

Так получилось само собой, что Ольга примкнула к этой семье и держалась с ними, разговаривая и шутя все время, пока не подали трап к самолету. Их было пятеро: трое взрослых и двое детей, и все они были очень общительны. А Ольга страдала от одиночества, потому что первая никогда не знакомилась – мешали комплексы, жившие в ней с детства. Только в самолете она рассталась со своими новыми знакомыми, потому что их места оказались в разных концах салона. И то мальчишки дважды прибежали к ней: с книжкой кроссвордов и кислыми леденцами от тошноты. Место ей досталось у окна, а рядом сел коренастый мужчина, черноволосый, кареглазый, похожий на узбека, но было в нем что-то неуловимое, приближающее его к белой расе.

«Метис, наверное», – подумала Ольга, стараясь не показывать, что интересуется им. Но он почувствовал это или просто сам обратил на Ольгу внимание. Едва только самолет взлетел в воздух, и пассажиры с облегчением расстегнули ремни безопасности, он повернулся ней и сказал:

– Ну, поехали. Бисмиллох рахим... Вы не боитесь летать на самолётах?

– Не знаю, – ответила Ольга. – Я не задумывалась. Я лечу в первый раз.

– Правда? Новые ощущения? И как?

– Не знаю.

– Вы в школе были отличницей?

– Не знаю... То есть нет, – Ольге рассмеялась. – А почему вы спросили?

– По принципу: я знаю то, что ничего не знаю. Это как вы помните, сказал очень умный человек.

– Кто?

– Теперь я не знаю.

Ольга засмеялась, мужчина – тоже.

– Меня, кстати, зовут Тимур, а вас?

– Ольга, – ответила она и подумала, что не ошиблась: большинству полукровок родители дают имя Тимур.

– По делам летите или как?

– К мужу.

– А я бизнесмен.

Ольга кивнула и, заметив выжидательное выражение на его лице, подумала, что если он рассчитывает на восхищение с ее стороны, то не дождется, и из упрямства постно посмотрела в иллюминатор.

– Приходится делать деньги, как этого требует современная жизнь. И лучше в баксах. «Продает, наверное, арбузы, а ставит из себя банкира», – подумала Ольга.

Тимур, видя, что она продолжает смотреть в иллюминатор, решил сменить тему.

– Вы очень наивная девушка, – сказал он, удобнее усаживаясь в кресле.

– Почему еще?

– Вы согласились записать на себя багаж совершенно незнакомых людей. А что, если там контрабанда? Например: наркотики.

– Глупость какая-то.

– Нет, не глупость. А вы знаете, что наркотики зашивают в мягкие игрушки и отдают детям, чтобы те пронесли их через таможню.

– Я же не ребенок.

– По наивности вам 5 лет.

– Неправда. И в конце концов, я же прошла таможню.

– Это ничего не значит. Ферганские таможенники единственное, что умеют, это брать взятки. Так что, говоря по-крупному, вы ничего не прошли. Все это вам еще предстоит.

– Глупости. Почему вы мне это говорите.

– Просто я вас предупреждаю.

– Вы милиционер?

– Нет. Я же сказал вам, что я бизнесмен.

– А, по-моему, надо верить людям.

– Мне кофе с лимоном.

Ольга удивленно взглянула на собеседника. Возле сидения стояла длинноногая, длиннорукая красавица стюардесса и держала за ручки раздаточный столик, который катила перед собой.

– А что вы будете? – обратилась она к Ольге.

– Ничего.

– Хорошо. Скоро принесу ужин.

– Спасибо, – ответила Ольга.

Стюардесса ушла. Ольга смотрела ей в след, размышляя, почему на такие работы берут только высоких девушек. Она же сама была весьма среднего роста и ноги ее росли не из ушей. Ольга давно не интересовалась, какое она производит впечатление на мужчин. Для Вити она была хороша и такая. И тут же она, совершенно не задумываясь, взглянула на Тимура, притихшего на своем сидении. Тот пил кофе. Делал это он сосредоточенно, торопливо, мелкими глотками отхлебывая горячий напиток и тут же облизывая холодный кусок лимона. Сопел он, как ребенок, страдающий насморком. Ольге стало неприятно, и она отвернулась, глядя сквозь стекло на чернеющее вокруг небо.

Тимур тем временем закончил, отставил на подлокотник чашку и вытерся носовым платком.

– В жизни есть две радости, милая Оля: это хорошее кофе и красивая девушка. А вы зря отказались, это российский лайнер, здесь заваривают кофе конкретно.

«А лимон слопал с кожурой», подумала Ольга.

Все-таки она беспокоилась. А вдруг и правда в багаже, который она на себя записала, есть наркотики. Тимур понял ее чувства и постарался подогреть их, так что к тому времени, когда стюардесса принесла ужин, Ольга вся извелась и чисто по-женски накинулась на еду, хотя, казалось бы, ей было не до этого.

Тимур посмеивался и уверял ее, что такие услуги оказывают за деньги. Ольга об этом заботилась меньше всего, и он на каждой фразе повторял, что бескорыстность – это отжившая глупость. И тут же начинал хвастать своей платежеспособностью и широтой души. Ольга слушала его, и постепенно ее настороженность и недоверчивость начинали слабеть. Тимур явно упражнялся в имидже хорошего мальчика, и это ему удавалось. Стюардесса унесла пустые тарелки и у Ольги, сытой и спокойной, изменилось настроение. В конце концов, найти разговорчивого попутчика, это тоже удача, особенно для человека с таким характером, как у нее.

Ольга расслабилась и уже не заметила, как Тимур, перестав хвалить свою особу, переключился на нее.

– Но это же не реально, Оля, – говорил он, узнав, почему она летит в Москву. – Он конкретно забыл тебя.

– Нет. Он болеет или еще что. С ним случилась беда.

– Да какая же?

– Ну, не знаю. Может он в больнице.

– Вот еще. Почему же тогда не звонит. У всех сейчас при себе мобильные телефоны.

– Потерял. Украли. Не знаю. Случилось несчастье, он потерял память.

– Я пас. Я сам, милая Оля, часто теряю память. Для жены. Послушай, милая моя, тебе нужно думать о себе, о том, как жить. Тебе нужна помощь, нужно на кого-нибудь опереться. – При этом он интимно тронул ладонью ее круглое колено под тонкой брючиной.

Ольга рывком убрала ногу, повернулась к нему и медленно проговорила:

– Знаете, что я сейчас подумала? Я позвоню домой, а дочка спросит меня: мама, ты нашла папу? И если вы сказали правду, что я отвечу?

– Да, – сочувственно ответил Тимур, усаживаясь поглубже на сидении и откидываясь на спинку. – Страдают всегда дети.

Ольга больше не слушала своего соседа. Молодая женщина думала о муже. И первый раз страх сжал ее сердце. Ольга отвернулась к иллюминатору и долго смотрела на синее небо и белые облака, ни о чем не думая. Витя был старше ее на два года. Они познакомились на заводе. Ольга работала лаборантом, а Витя перевелся с другого производства начальником смены, и страшно гордился этим. Ольгу сразу предупредили, что этот начальник, самый молодой и неженатый, ужасный бабник. Но Витя увидел ее и больше уже ни на кого не обращал внимания. Вскоре Ольга забеременела, и молодые расписались, тихо и без особого торжества. Родных у Вити не было, он один жил в двухкомнатной квартире, оставшейся у него от родителей. Мужем он был любящим, отцом – заботливым, не отходил от жены, а когда она родила, сам стирал пеленки. И даже ревновать его было не к кому, вся его прошлая жизнь осталась в старом цехе. Молодая семья была бы счастлива, но Вите, работавшему на заводе, где зарплату выдавали с задержкой, трудно было содержать жену и ребенка одному. Ольга вышла на работу, когда Иришке исполнился год, но это не улучшило их финансовое положение. Жизнь дорожала, зарплата обесценивалась, а нужно было есть и одеваться. Семейный бюджет трещал по швам. И тогда Витя решил ехать в Россию на заработки с надеждой когда-нибудь осесть там и вызвать к себе семью.

И вот уже с полгода от него нет никаких вестей. Хозяева дома в Подмосковье, где он с другими гастар байтерами снимал комнату, ответили на ее письмо: муж съехал, а куда, они не знают. Работу он тоже сменил, а где сейчас работает, неизвестно. Друг же его остался на прежнем месте и ничего о нем не знал.

– Он болен, он в беде, – твердила себе Ольга, но мелкая гадкая мыслишка в мозгу шептала: «Он бросил тебя и нашел другую».

И Ольга все время вспоминала его первую характеристику: бабник.

Тимур что-то говорил, пытаясь привлечь ее внимание, но Ольга не слушала. Три часа назад она перечеркнула всю свою жизнь и перевернула чистую страницу. И никакой гороскоп в мире не способен был ответить на вопрос: что будет дальше. Первый раз в жизни Ольге стало по-настоящему страшно.

Тем временем самолет пошел на посадку. Пассажиры пристегнули ремни. Самолет затрясся, подпрыгнул и помчался по посадочной полосе. Тошнота комком встала в ее горле, но это была реакция на страх, а не на приземление. Самолет, снижая скорость, мягко развернулся и остановился. Все. Свершилось. До дома, до мамы и дочери тысячи километров, а за металлической обшивкой самолета Домодедовский аэропорт и вся Москва.

– Приехали, – с показным вдохновением проговорил Тимур, а у Ольги от страха сжалось сердце.

Началась суеда. Пассажиры отправлялись в хвостовой отсек за ручной кладью, спускались по трапу, садились в автобус, разбирали багаж, проходили таможенную и регистрацию, ловили носильщиков, кричали, толкали друг друга. Ольга была среди них чужой, лишней и самой неприкаянной. Она увязалась сначала за знакомой семьей, а те, занимая два такси, захлопнули перед ней дверцы. Конечно же, ведь они уже перевезли свои лишние килограммы с минимальными затратами. Растерянно отступив и обернувшись, Ольга увидела Тимура, Тот улыбался, глядя по сторонам и, повернувшись к ней, пошел навстречу. Ольга направилась к нему – они же земляки, и на кого еще ей опереться.

Сзади ее толкнули.

– Извините, – на бегу бросила длинноволосая крашеная блондинка и повисла на шее у Тимура.

Тот, не переставая улыбаться, обнял ее, сжав одной рукой спину, а в другой продолжая держать дорожную сумку.

И они, в обнимку, направились к машине, стоящей среди такси. Это была новенькая иномарка, а какая, Ольга не знала, да и какое ей дело было до чужих иномарок. Одна она стояла посреди опустевшей площадки, а от автомобильной стоянки отъезжали такси: то мягко и плавно, то с натугой и особой автомобильной бранью выхлопов.

– Эй, сударыня, поедем, что ли?

Она повернулась на голос. Невысокий плотный светловолосый мужчина средних лет стоял и слегка прищурив карие острые глаза, смотрел на ее лучший костюм китайского ширпотреба. Но было в ее взгляде и лице что-то такое, от чего он смутился.

– Извините, – вырвалось у него. – Вам надо ехать? Я довезу до любого конца Москвы. Сядете, что ли?

Ольга кивнула и рукой, державшей дорожную сумку, потянулась к дверце.

– Я помогу, – шагнул к ней водитель, правда не слишком поспешно, и отпер багажник. – Вот, ставьте сюда.

Ольга взялась за ручки сумки, шофер перехватил у нее их, слегка усмехаясь, и так вдвоем они поставили объемную неуклюжую сумку внутрь вместительного багажника.

– Взгромоздили. Теперь поехали, – проговорил шофер, захлопывая крышку и садясь на водительское место.

Ольга быстро села на заднее сидение, устраиваясь там с сумкой через плечо, тоже довольно объемной.

– Бибирево, Белозерская улица 15, – сказала она адрес своей подруги, у которой планировала остановиться.

– Не близко. Если бы заранее знал, не повез бы. К мужу едите?

– Нет, к подруге. Муж там дальше живет, за Вешками.
– Раньше-то бывали в Первопрестольной? Или в первый раз?
– В первый. У меня карта, схема Москвы есть дома. Подруга привезла. Я по ней все смотрела.

– Понятно.
– Я раньше никуда из Ферганы не выезжала, разве только пару раз в Ташкент, к тете.
– Путешественница, да. А муж хорошо зарабатывает?
– Очень. По 20 тысяч.
– Деревянных?
– В смысле – в рублях? Да.
– В смысле. Это, девица моя, для Москвы не деньги. Семью на них не устроишь. А дети у вас есть?

– Дочка. Скоро четыре будет.
– Понятно. Деньги-то у тебя есть?
– Ограбить хотите?
– Как бы меня самого не ограбили. Сейчас все можно ожидать. Вот моего друга одна бабенка так наколола. Ты есть хочешь? Или по надобности сходить. Если что, так остановлюсь, сам проголодался. Ехать нам еще о-хо, сколько.

– Это сколько?
– Часа два – три. А если учесть пробки в центре, и того больше.
– Тогда остановите.
– Есть, мадам.

Шофер повеселел. Видно и ему не терпелось сходить кое-куда. Он припарковал машину к стоянке, не вставая с места, вытянул руку и отпер заднюю дверцу.

– Пошли, платный туалет справа по курсу.

Ольга не поняла и стояла, озираясь.

– Туда, иностранка, – легонько подтолкнул ее шофер. – Вот, видишь: Ж и М. Вперед и не ошибись.

Ольга отступила на шаг от излишне разговорчивого водителя и пошла к указанному строению, чувствуя, что внутренне краснеет. Водитель, весело насвистывая, тоже направился к туалету. Мысль о возможности грабежа не оставляла Ольгу все время, пока она находилась в кабинке. «Уедет с сумкой, – думала она. – Очень даже просто». Перспектива остаться в Москве в одном единственном брючном костюме, казавшимся теперь снятым с пугала, не улыбалась ей.

Торопясь и едва оправившись, она выскочила наружу и прямо от дверей стала ози- раться. Свое такси она увидела на прежнем месте и уже не торопясь, направилась к стоянке.

Она сделала только два шага. На нее налетели, толкнули, грубо схватили за горло, и мужская жилистая рука прижала ее к чему-то живому и твердому, а в горло уперлось острие ножа.

– Стоять, всем стоять! – над ней прокричал слегка сдавленный одышкой мужской голос без истерического надрыва, но с неприкрытой сильной злобой. – Я убью ее, если вы только шевельнетесь, и ни один поп не даст вам отпущение за этот грех.

Последнее он произнес спокойнее, дыхание, до этого с силой разрывающее легкие, восстановилось, а в голосе появилась насмешка.

Ольга с силой упиралась затылком во что-то металлическое и острое, наверное, в крупную пуговицу, и чувствовала, что острие ножа все глубже продавливает кожу в ямке возле ключицы. Она бессильно смотрела, как из отхлынувшей толпы замерших прохожих сразу выделились несколько коротко стриженных парней в одинаковой джинсовой одежде,

застывших в одинаковой позе: правая рука в кармане, одна нога чуть впереди другой для упора перед прыжком.

– Руки вверх, оружие на землю. Без шуток, а то вы осиротите ее детей.

Ольга молчала. Ей было неудобно и больно стоять с ножом у горла. Она сглотнула и тут же рука, державшая ее, напряглась сильнее.

Парни бросили оружие себе под ноги.

– Слушай, братан, – начал один из них.

– Твой братан чистит унитазы! – рявкнул парень. – Три шага назад. Все! Живо!

Ребята в джинсовой одежде были молоды и неопытны. Они подчинились, краснея и бледнея от сдерживаемой ярости.

Ольга наблюдала за ними с отрешением постороннего зрителя. Она уже успела привыкнуть к неподвижности, когда тот, кто держал ее, сорвался с места. Ребята в джинсах тоже зашевелились, напряглись, пытаясь что-то предпринять.

– Назад, не двигаться, – рявкнул тот, таща за собой Ольгу чуть не волоком и передвигаясь боком, чтобы видеть своих преследователей. – Держите руки так, чтобы я их видел.

С силой он придвинул Ольгу к чему-то гладкому и твердому, и прижал так, что та откинулась назад, только тут подсознательно поняв, что это машина.

– Так, бензин, масло. Валом. Вперед. Падай на сидение.

Он отпустил горло Ольги, тут же распахнул перед ней дверцу и втолкнул на водительское сидение.

– Двигайся, детка, живо.

Единственный шанс Ольги вырвать ключ зажигания, бросить ему в ноги и выскочить через вторую дверцу, она упустила, по-прежнему заторможено исполняя его приказы.

Только секунду дал ей парень, тут же садясь на край сидения и с силой толкая ее дальше. Ольга неуклюже ткнулась в соседнее сидение, запуталась ногами среди каких-то выступов, и следующий толчок парня едва не опрокинул ее на пол машины. Подобравшись и с трудом перемещаясь, смогла она, наконец, сесть, как следует. Машина уже трогалась, разворачиваясь. Парень держал руль обеими руками и не отводил взгляд от лобового стекла. Автомат лежал на его коленях, а нож он засунул под себя, и рукоятка выглядывала из-под джинсовой штанины.

В спешке набрав обороты, он повел машину резко, и при крутом повороте Ольгу бросило назад, потом вбок, и она машинально схватилась за локоть парня.

По-прежнему, не отводя взгляда от лобового стекла, он левой рукой перехватил ее запястье и с силой притянул к ручке над дверцей пассажирского сидения.

– Вот, держись за это, – без раздражения, но холодно велел он и тут же забыл о ней.

Вид в лобовом стекле дрожал, менялся, наезжал и проносился мимо с ужасающей скоростью. Ольга, чувствуя, как внутри нее все леденеет и сжимается, вцепилась в ручку обеими руками.

Машина неслась по дороге, уворачиваясь от встречных машин. Визжали тормоза, Ольгу кидало из стороны в сторону, она больно стучалась, пока не бросила свою ручку и сжала лицо руками, запутавшись в упавших на лицо длинных волосах.

Сильная рука прижала ее к спинке, и что-то щелкнуло рядом. Дернувшись, она почувствовала на груди предохранительный ремень. Схватившись за него и откинув назад разметавшиеся волосы, она повернулась к водителю.

– Ты хочешь убить меня? – обреченным голосом спросила она.

Тот удивленно взглянул на нее и тут же перевел внимание на дорогу.

– Ты слышишь меня? Что, так трудно ответить?

– Не собираюсь я тебя убивать, успокойся.

– Зачем же ты меня затащил в машину?

– Чтобы меня не убили.

– Значит, прикрылся мной, да? Напакостил, а когда пришло время отвечать, за бабу спрятался, да?

– Заткнись, если не хочешь, чтобы мы разбились.

Машина тут же сделала такой вираж, что Ольга едва не повисла грудью на своем ремне. Заскрипели тормоза, она помимо воли вскрикнула, зажимая глаза ладонями. Только спустя время она осмелилась открыть их, медленно опуская перед собой руки. В лобовом стекле одиноко летело под колеса широкое полотно, по сторонам зеленела высокая трава. Несмело посмотрела Ольга вбок: парень, расслабившись, сидел на водительском сидении, положив обе руки на руль. Потертая джинсовая рубашка с закатанными по локоть рукавами и расстегнутым воротом открывала на груди полосатую солдатскую майку. Довольно приятное продолговатое лицо с чуть удлиненным носом, твердым подбородком и упрямыми складками у губ, было сейчас спокойно. Темно-карие глаза смотрели перед собой. Очень короткие черные волосы над невысоким упрямым лбом торчали ежиком.

Ольга перевела взгляд на зеркало заднего обзора, глаза парня тоже скользнули по нему и, встретившись с ее взглядом, насмешливо подмигнули.

После такой мальчишеской выходки парень небрежно засвистел.

– Отпусти меня, а? – тихо попросила Ольга.

– Здесь? Посреди дороги? Да куда ты денешься потом? – он усмехнулся с превосходством сильного вооруженного человека. – Тебя тут изнасилуют, убьют и разберут на органы.

– А ты?

– Что – я?

– Ты не убьешь?

– Что? Никак не въедешь – я не собираюсь тебя убивать.

Ольга покачала головой и отвернулась к боковому окну.

– Эй, – окликнул ее парень после недолгого молчания. – Откуда приехала?

– Тебе-то что?

– Я тоже не москвич.

– А что здесь делаешь?

– Шкуру свою спасаю, – неожиданно грубо оборвал он и угрюмо замолчал.

Вот машина въехала в лес, потряслась по кочкам и остановилась под ветвями разросшегося куста.

Парень медленно отпер свою дверцу и стал выходить из машины. Полностью пришедшая в себя молодая женщина опередила его, рывком распахнула настежь дверцу и, выскочив, опрометью бросилась прочь. Ничего не видя от страха, Ольга налетела на куст, ободрала руки и запуталась в его ветках.

Лишь глухо матюгнувшись, парень кинулся за ней, придерживая локтем болтающийся за спиной автомат. У Ольги были короткие ноги и высокие каблуки. Парень настиг ее в три прыжка, схватил за локоть и рванул к себе. Ольга бы упала, если бы он тут же не поддержал ее и, не говоря ни слова, поволок в том же направлении, куда она бежала. Впереди, сквозь ветви, угадывался небольшой лесной домик.

Парень тащил ее туда, почти бежал, но, приблизившись, остановился за широким стволом ели.

– Слушай, красотка, я хочу, чтобы ты въехала, наконец, в одно: я хочу жить, пока не сделаю кое-что важное. Встань только на пути, и я раздавлю тебя.

Ольга отстранилась от него, как могла, а он склонился над ней и выражение его лица испугало ее до дрожи.

– А теперь, красотка, вперед, и, если выкинешь что-нибудь еще, точно кто-то там останется сиротой, тогда уже конкретно. Шагай. Подойдешь к двери и постучишься. Вперед.

Подтащив Ольгу с такими словами к углу дома, он толкнул ее к двери.

Уже смеркалось, а в лесу совсем стемнело. Дрожа от страха и вечерней летней прохлады, Ольга сбоку поднялась на крыльцо и постучала в крепкую дубовую дверь. Услышав рядом сдерживаемое дыхание спутника, она слегка отшатнулась и сделала шаг в сторону.

Изнутри раздался собачий лай и шум отпираемых замков.

– Кто так поздно? – спросил низкий недовольный голос.

Парень слегка толкнул Ольгу, и та, вздрогнув, закричала:

– Я заблудилась.

– О, господи, что за раздолбаи. Сейчас собаку запру.

Наконец дверь приоткрылась, выпуская полоску света.

– Туристы, что ли? И много вас?

При этих словах парень пинком ноги распахнул дверь настежь и, втолкнув вперед Ольгу, ворвался вовнутрь. Мужская коренастая фигура отшатнулась от напора. Ольга едва не упала, налетев на что-то, но ее толкали все дальше и дальше, пока она, запутавшись в занавеске, упала на тахту. Фигура мужчины в клетчатой финке, старом трико и босого, метнулась к запертой двери, за которой повизгивала собака. Но парень обхватил его сзади. Загремел, повалившись, стул, перевернулась вешалка, и оба мужчины покатались по дощатому полу, сгребая полосатые дорожки.

Тот, второй, был здоровее парня и на какое-то время оказался наверху, но почти тут же не выдержал. Его подмяли. Парень, встав коленом ему на грудь, достал из-за спины автомат.

– Ну-ка, чем по-твоему пахнет? – в голосе парня звучала неприкрытая угроза.

– Кисло, фу. Стрелял в кого-то, что ли? – лицо мужчины с крупными чертами покраснело от натуги.

– В тебя выстрелю, если будешь выпендриваться.

– Ты на все способен. А еще брат, тоже мне.

– Ах ты, брат долбаный! – парень рывком поднялся и отступил, наставляя на него дуло автомата. – Козел вонючий.

– Это почему это козел? Вкозлил я кого-то, что ли?

– Меня.

– Ты! Слушай, ты, отвечай за свой базар.

– Отвечу, заткнись. Сами менты мне на хвост сели?

– Откуда я знаю.

– Заткнись! Эй, красотка, иди сюда, дело есть.

Ольга все это едва слышала из-за истошного лая запертой собаки. Она молча слезла с кушетки, на которой сидела, подобрав ноги.

– Сдвинь половик посередине.

– Не командуй у меня.

– Заткнись, козел!

Ольга, не слушая перепалку, прошла по комнате. Сдвинув половик широким пинком, она вопросительно посмотрела на парня.

– Там, где ты стоишь, крышка подпола, подними ее.

Ольга переступила ногами и увидела засов, чуть выделяющийся над половицами. Она присела, сдвинула его и, нащупав скобу, рывком подняла крышку. Та была легче, чем казалась с первого взгляда, и от напрасного усилия Ольга чуть не упала.

– Готово? Ну-ка, брательник, спускайся вниз.

– Это еще с чего.

– Живо.

Мужчина, глядя на наведенный на него ствол, бледнел на глазах. Потом по пухлым щекам его пошли багровые пятна.

– Ты это чего? – отступил он, и глаза его бешено забегали. – Ты чего хочешь?

– Да спускайся, долбак недоделанный, живо!

– Сейчас.

Мужчина подпрыгнул на месте и подскочил к люку.

– Вниз!

Торопливо, срываясь и спотыкаясь, наступил тот на лестницу.

Ольга стояла в двух шагах от него.

– Девушка, – прошептал он синими трясущимися губами. – Если вы не с ним, выпустите собаку.

Он говорил очень тихо, но парень с автоматом все равно услышал его.

– Это не собака, а восьмимесячный щенок. Вот если бы ты его мать не пристрелил, она бы и слепая мне глотку разорвала. Мудак ты долбаный. Спускайся, быстро.

С дикой скоростью, трясясь и срываясь, скатился мужчина вниз и, отступив от лестницы, встал на освещенном с потолка квадрате, задрав вверх голову.

– Теперь включи там свет.

– Сейчас.

Мужчина скрылся, что-то шелкнуло, и свет зажегся.

– А теперь брось наверх мой ранец.

– Ты что?

– А что? Я тебе его дал на хранение. Давай, кидай, ждать я не буду.

– Сейчас, сейчас, он тут. Ты не подумай чего, он же твой. Ты только не подумай чего, я его надежно спрятал.

– Вот именно. Кидай его сюда.

Что-то там внизу задвигалось, упав, гроыхнуло. И наконец из глубины подпола появился мужчина, держа перед собой раздутый синий школьный ранец.

– Э-эх, – крикнул он и с силой метнул его вверх. Он видно целился в парня, но тот шагнул вбок и ранец шлепнулся за его спиной.

– Молодчина. Ну-ка, детка, загляни-ка вовнутрь.

– Да все цело. За кого ты меня держишь.

– Заткнись.

– Я могу вылезти?

– Стой, где стоишь.

Парень, не отводя дуло автомата, обернулся, требовательно взглянув на Ольгу. Та, замершая, словно проснулась, поспешно подобрала ранец и протянула ему.

– Расстегни.

Та с трудом, срывающими пальцами раскрыла молнию.

Ранец был набит деньгами: пачки долларов переваливались в нем вперемешку с пачками деревянных.

– Все о'кей.

– Ну, что я сказал?

– Отошел дальше, быстро.

Мужчина испуганно подпрыгнул и отскочил назад.

– Ты что, ты что!

А парень быстро закинул автомат за спину, наклонился, схватился руками за лестницу, с силой дернул ее и стал поднимать.

– Ты что!

Мужчина рванулся вперед, стараясь схватить лестницу, подпрыгнул, но было поздно – парень отступил назад, втаскивая лестницу наверх.

– Эй, ты, братан, братишка, Андрюха, брат, ты что!

Парень втащил лестницу и с грохотом бросил ее на пол. Собака за дверью зашлаем, осипла и хрипела.

– Не пыли, братан, – сказал парень, глядя то на вход в подпол, то на дверь. – А ты, красотка, сядь на топчан и не двигайся.

С этими словами парень подошел к двери и остановился, задумчиво оглядываясь.

Ольга тем временем уселась с ногами, считая за лучшее подчиниться. Парень же поднял с пола перевернутый табурет и, держа его на весу, встал в простенок. Вздохнув поглубже, он отпер дверь, тут же швыряя табурет дальше от себя. Черная молния с желтыми лапами вылетела в открывшийся проход с ревом дикого зверя кидаясь на грохот. Парень, бросившись вперед, схватил пса за загривок и поперек живота. Пес для щенка его возраста был очень крупный, сильный. Он хрипел и рвался, взбивая воздух вокруг толстыми лапами. Большие стоячие уши его поворачивались, ловя звуки, тело извивалось, Парень с трудом удерживал его. Постепенно рука, обхватившая живот пса, съехала к груди и так, волоком, подтащил он собаку к люку. Полосатая дорожка вся свезлась и свернулась за ним от мощных ударов задних собачьих лап.

– Эй, муило, лови своего пса, а то он весь переломается! – закричал парень, дрожа от напряжения и поднимая тяжелого пса над люком. – Ловишь?

– Ты что, сдурел? Он же раздавит меня.

Тогда парень, красный от натуги, запихнул визжащего пса в люк, стиснул зубы и медленно встал на колени, опуская собаку как можно ниже.

– погоди, сейчас подушку принесу, – крикнул ему снизу мужчина. – Давай, пускай.

Тут же раздался собачий визг, сменившийся злобным ревом и захлебывающимся лаем.

– Готово? Жив, здоров?

– Что ты хочешь? Эй, братан, братишка, братишечка!

На этом парень захлопнул люк и задвинул щеколду. Сразу же все внизу стихло, как будто выключили телевизор.

– Вот и все, – отряхнул парень руки. – Теперь можно и отдохнуть. Мы с тобой заслужили это.

– Что с ним сделаешь? – спросила Ольга, которая решила, что только выиграет, если поддержит разговор.

– С Жоркой, что ли? – словно удивленно, спросил он. – Съем на завтрак. Там, в подвале жарчки валом, вентиляция есть, пусть посидит, подумает. Он меня ОМОНу сдал, чтоб мои деньги прибрать. Брательник, тоже мне.

– Родной, что ли?

– Нет, конечно, – как-то слишком поспешно проговорил он. – Седьмая вода на киселе. По отцу. Слушай, а как тебя зовут? А то все общаемся, а имени я не знаю.

– Ольга.

– Я – Андрей. Будем знакомы.

Ольга опустила голову, ничего не ответив.

– Вот что, Ольга, Оленька, ты тут хозяйничай, а я пойду, машину загоню в гараж. На кухне в холодильнике ты найдешь мясо и консервы, а вон, видишь, сарай, там погреб, картошка там и всякое еще. Действуй.

Ольга молчала, да парень и не ждал ответа. Он, насвистывая, с деланно беззаботным видом вышел за дверь, даже не потрудившись запереть ее за собой.

Ольга осталась одна. Где-то из-под половиц глухо раздавался собачий лай, визг, снова лай, пока все не смолкло.

Можно было бежать. Если, конечно, он не догонит, и она не заблудится в темнеющем лесу, то где-то к полуночи доберется до шоссе, а там куда идти? Андрей прав, одной женщине

на шоссе опасно. А вдвоем с ним, взявшим ее в заложники? Ох, если бы только у нее был телефон.

Поездка к мужу – это первый за ее жизнь мужественный поступок, в остальном Ольга всегда отличалась нерешительностью. Сейчас она сидела на диване, подняв ноги, и уныло смотрела в окно. Конечно, если бы Андрей обращался с нее грубее и жёстче, она бы долго не раздумывала, предпочтя неизвестность. Но парень поговорил с ней по-человечески, и появилась надежда на счастливый конец. Может он сам отпустит ее, может просто уйдет. Только он не затем брал ее в заложники, чтобы отпустить добром. Ольга снова посмотрела в совершенно почерневшее окно. Бежать! Повинуясь непонятному приливу храбрости и решительности, она порывисто вскочила с кушетки, рванулась было к сеням. Но тут скрипнула дверь, и почти тут же появился Андрей. Джинсовая рубашка на нем была расстегнута, полосатая майка в потеках воды. Вода блестела и в коротких темных волосах, и на лице, и на гладкой коже груди.

– Далеко? – насмешливо спросил он, и Ольга, смешавшись, отпрянула назад к кушетке и обессилело села, не сводя с него глаз. – Так, – Андрей остановился возле нее. – Бежать собралась? Я же тебя предупреждал, дура, что это бессмысленно и глупо!

– Не кричи на меня.

– Да ну? Иди на кухню, приготовь ужин.

Он ни разу еще не ударил ее. Даже не толкнул, но все равно она боялась его до дрожи, как боится слабый человек грубую физическую силу. Такую силу она еще не чувствовала ни в ком и могла сравнить только с силой огромного механизма, не знающего стоп-крана, и идущего напролом.

Она покорно пошла на кухню, где, к ее удивлению, увидела так знакомую ей двух конфорчную плиту с духовкой, а рядом незнакомый агрегат.

– Это газовый баллон, – из комнаты сказал Андрей, глядя через ее плечо. – Найди там с боку вентиль и открой газ.

Ольга послушно открыла. Тогда в одной конфорке зашипело, и появился характерный запах. Ольга тут же схватилась за ручку, желая перекрыть ее, но она не работала. Тогда, быстро оглядевшись, Ольга увидела электрозажигалку, висевшую на гвозде рядом, схватила ее и, для верности перекрыв газ вентилем и открыв его снова, только медленно, подождала конфорку.

Так, газ горел ровными синими огоньками, окружая конфорку. Оставалось поставить на него сковородку или кастрюлю.

Сзади нее, у стенке, находились: большой холодильник и высокий стенной шкаф, похожий на небоскреб. Открыв сначала холодильник, Ольга достала в литровой стеклянной банке самодельную свиную тушенку и пачку «Щедрого лета», а макароны, лук и посуду нашла в шкафу.

Макароны были хорошего качества, варились быстро и не раскисали. К этому времени уже поджарился лук, пора была класть на сковородку мясо. Но целая литровая банка, полная мяса и жира: дома бы этого хватило на четыре полноценных обеда, а то и на пять-шесть, если бы готовила ее мать. Теперь же, открыв банку, она уставилась на нее, и ей так захотелось наесться мяса до отвала, хотя бы тушеного. И пусть она в плену, в заточении, плевать. Мясо халавное, и она имеет право, наконец, насытиться. Она здесь не по своей воле, и пусть платит тот, кто все это затеял.

Ольга взялась за банку, быстро оглянулась и вывалила мясо в огромную сковороду, прямо в жарящийся на маргарине лук. Запах мяса, лука и варящегося теста заполнили комнату, вызывая в ее желудке спазмы.

И, мешая мясо, она каждый раз пробовала его, таща в рот по большому куску и чисто физически наслаждаясь этим. Сначала холодное, потом разогретое, с жиром и без, оно было

восхитительно: ей никогда не удавалось так лакомиться, разве только в далеком детстве, когда жить было намного легче.

Из открытого окна потянуло прохладой, но это было приятно. Приготовив все, Ольга выложила макароны в две тарелки и вывалила сверху мясо с подливкой, продолжая выбирать самые лакомые кусочки.

– Где будем есть, Андрей? – развеселившись, крикнула она в дверь.

Парень показался на пороге.

– Ого! Ты, наверное, здорово проголодалась! – восхищенно вырвалось у него. – Давай, что ли здесь сядем. Только я пойду, ставни закрою.

И он быстро скрылся в сенях.

Вскоре Ольга увидела, как ставни закрыли черный проем в окне. Она больше не думала о побеге. Сев на деревянный табурет, она стала есть, выбирая самые сочные кусочки мяса. Мясо было жирным. Ольга, живя дома почти что не ела свинину, потому что та была дороже говядины. Поэтому, после первых же кусочков, она почувствовала страшную тяжесть в желудке. Но Ольга не обратила на это внимание, часто запивая все горячим зеленым чаем. Она была голодная, а еда получилась ужасно вкусной. Она ела и ела, с жадностью выбирая одно мясо. Когда вошел Андрей, горка на ее тарелке поубавилась.

Быстро пододвинув табурет, Андрей сел на него с размаху и, придвинув свою тарелку, стал есть с не меньшей жадностью, чем Ольга.

– Бери хлеб, – сказала она. – Чай налить?

– Потом. Я не люблю остывшее.

Он взял со стола кусок и стал есть, перемешивая все в своей тарелке и помогая себе хлебом. Его тарелка опустела быстро. Смакнув с нее остатки подливки, Андрей доел хлеб и потянулся.

– Вот теперь и чаю можно.

Ольга быстро схватилась за его чашку. Она уже наелась до отвала, но на тарелке осталось еще много еды, и все это так манило ее. Ольга просто обрадовалась возможности оторваться от стола. Сняв с чайника уютную шапку в форме петуха, она посмотрела на Андрея.

– Тебе густой?

– Ну, не чифир конечно, но и не помои. Средний.

Ольга долила ему из чайника.

– А сколько, интересно, времени?

Андрей взял у нее чашку, поставил перед собой и, сдвинув рукав, посмотрел на часы.

– Полпервого.

– Ночи? Не может быть. Только что стемнело.

– Лето же.

– Да, действительно. Я слышала, что у вас поздно темнеет и рано светает.

– А у вас? Ты что, инопланетянка?

– Нет. У нас, в Фергане сейчас темнеет где-то в девять, а светает в пять.

– Почему? – Андрей задумчиво посмотрел на сахарницу, потом сдвинул с нее крышку и вынул маленькую пластмассовую ложечку.

– Из-за гор. Фергана окружена горами.

– Ты с Кавказа что ли? Горянка или как? – накладывая сахар в чашку, спросил он.

– Я из Узбекистана.

– Значит ты – узбечка?

– Нет, я русская.

Андрей медленно мешал сахар, пробовал, снова мешал. Глаза его стали слипаться.

– А что тебе здесь понадобилось?

– Я приехала к мужу.

– А... – Андрей чисто машинально подавил зевок и выпил чай залпом.

– Мой муж приехал сюда работать, – уже сама, без наводящих вопросов, проговорила Ольга. – И вот уже полгода не звонит и не пишет.

– А.

Андрей поднялся, резко прерывая ее:

– Пошли.

– Нужно убрать со стола.

– Ерунда.

– Убрать в холодильник?

– Вот еще.

Ольга с сожалением посмотрела на недоеденный ужин: там хватило бы еще на один, и пошла к двери из кухни. Андрей последовал за ней. Как конвоир, – про себя подумала Ольга. Она направилась к своей тахте, но Андрей повернул ее за плечи.

– Туда, – подтолкнул он ее дальше, к той двери, где раньше сидела собака.

Ольга послушно перешагнула маленький порожек комнаты. Сзади щелкнул выключатель, и под потолком загорелась лампа. Это была спальня: в ней стояла двуспальная кровать, тумбочки, самодельный шифоньер и волне городской торшер.

– Ложись.

– Ты что?

– Да ложись, – Андрей толкнул Ольгу к заправленной постели.

Та навалилась на край кровати коленками, повернулась и села, испуганно глядя на Андрея. Немного примирившись с ним, она снова испытала страх слабого человека перед сокрушающей силой. Разгоряченное после еды лицо ее побледнело. Поняв в чем дело, Андрей грубо рассмеялся.

– Ложись, я не собираюсь тебя насиловать. Очень нужно. Обычно телки сами просят, чтобы я их трахнул, да еще спасибо говорят. Ложись. Мы просто будем спать.

– Можно, я лягу там?

– Еще чего. Чтобы ты сбегала, пока я сплю? Ложись к стене и сопи в две дырки. Я сплю чутко.

– Я разберу постель, – несмело спросила Ольга и стала приподниматься.

– Валяй.

Ольга встала на ноги и сняла покрывало, начав аккуратно сворачивать его. Делая все это, она старалась не оглядываться.

– Одеяло в тумбочке, – ровным голосом проговорил Андрей.

Ольга кивнула, не поворачивая головы. Она чувствовала себя скверно: жирное мясо стояло у нее в горле, и неприятная тяжесть распирала желудок. Положив на тумбочку свернутое квадратом покрывало и достав тонкое одеяло, она расстелила его и нерешительно оглянулась.

– Можешь ложиться так, – сказал Андрей.

Ольга взялась за верхнюю пуговицу своей кофточки и замешкалась. Это была ее единственная одежда, и ей не хотелось портить ее. Андрей понял ее и подошел к шифоньеру.

– Иди сюда, – позвал он, открывая дверцу. – Попробуй, выбери себе что-нибудь, переоденься, я пока покурю на кухне.

С этими словами Андрей повернулся и вышел из комнаты.

Ольга удивленно посмотрела ему в спину. Она снова расслабилась и только сейчас заметила автомат, висевший у него между плеч.

Она стала быстро, торопясь неизвестно куда, перебирать одежду и выбрала себе свободную трикотажную рубашку-финку, доходившую ей до колен, и хотела было остановиться

на этом, но подумала и взяла еще синие спортивные штаны со шнурком вместо резинки: хоть какая-то видимость защиты от мужчины, находившегося рядом.

Быстро переодевшись и аккуратно повесив свою одежду на вешалку, Ольга забралась под одеяло, осмотрительно придвинувшись к стене.

И почти тут же в комнату вошел Андрей, окруженный запахом табачного дыма.

– Готова? – он сел и наконец-то снял с плеч автомат.

Ольга наблюдала за ним из своего угла, натянув одеяло до подбородка. Она видела, как Андрей, сидя на постели и держа автомат навесу, вздохнул, потер свободной рукой лицо и тряхнул головой. Потом неуклюже, боком, он лег, плечом взбивая подушку. Ей не было видно, куда он положил автомат, но он лег поверх одеяла, что само по себе было неплохо.

– Свет пусть горит, – сонно прошептал Андрей, снова зевая.

Ольга промолчала. Она лежала, не двигаясь и едва дыша. Но Андрей не трогал ее, и она, вся сжавшись, стала расслабляться, поневоле начав прислушиваться себе.

Желудок ее распирало, в животе закололо, и к тому же началась очень неприятная отрыжка, отдающая гнилым яйцом. Ольга морщилась, боясь даже повернуться на бок. И тут еще Андрей развернулся к ней, положив тяжелую руку ей на грудь. Думая, что он проснулся, Ольга крепче зажмурилась. Большая горячая рука мяла ей грудь, двигалась, ища ворот и снова замерла, ослабив хватку. Тихий, как вздох, чмокающий звук послышался ей. Открыв глаза и повернувшись, Ольга увидела его лицо совсем близко возле себя. Глаза его были закрыты, угрюмые складки расправились, и сам он показался ей совсем мальчишкой, тихим и спокойным. Дышал он ровно, спал крепко и, может быть, не был на самом деле таким страшным и опасным, каким старался казаться. Может быть, он и правда отпустит ее и не причинит вреда.

Такие мысли успокаивали и вселяли надежду. Но желудок ее начинал волноваться все сильнее. Отрыжка перешла в позывы к рвоте, тошнота начиналась приливами, отступала и начиналась снова.

Ольга заворочалась на своем месте, прижатая к стене, потом порывисто отбросила от себя давившую на нее руку, завертелась под одеялом и, сбросив с себя свободный его край, чуть не катком скатилась с кровати. Прямо босиком бросилась она бежать, но крепкая руке схватила ее за локоть.

– Куда?

– Пусти, – едва сдерживая позывы, крикнула Ольга, выкручивая руку.

Тон ее удивил Андрея, он разжал пальцы, и Ольга, так и не подумав обуться помчалась в темноту открытой двери.

Чудом нигде не споткнувшись и ничего не опрокинув, она примчалась на кухню, заметалась там в поисках раковины и, не найдя ее, рванулась прочь, содрогаясь на бегу.

По какому-то наитию сдвинув в темноте засов, она выскочила наружу и, едва не свалившись с крыльца, бросилась к углу дома. Там она остановилась и, вся дрожа, наклонилась. Ее вырвало. Едва перестав содрогаться, она выпрямилась, тяжело дыша.

С неба светила полная луна с чуть затемненным краем. Вокруг было светло, но перед глазами Ольги плыли черные круги, и она тяжело и часто дышала. Постояв и подождав, пока в глазах прояснится, она медленно и бездумно побрела назад, приволакивая ноги и не чувствуя холода ночной земли.

Андрей посторонился, внимательно следя за ней. Так же вяло и не замечая ничего, Ольга добралась до тахты, почти что упала на матрац и вся сжалась, обхватив живот руками. Буквально за несколько минут она побледнела и осунулась.

Андрей молчал, привалившись к косяку.

– Марганцовку принести? – спросил он наконец.

– Зачем?

– Нам мать всегда давала марганцовку, когда нас рвало.

Не поднимая головы, Ольга кивнула, расслабленно прислушиваясь к себе. Живот ее крутило, режущая боль разрывала кишки. Андрей наклонился, заглядывая ей в лицо, и тут же бегом бросился на кухню. Но он не успел.

Ольга снова сорвалась с места и рванулась из дома вон.

На этот раз Андрей не последовал за ней, а спокойно развел в литровой банке марганцовку и, по привычке подойдя к окну, облокотился на подоконник, глядя на черный четырехугольник стекла, затемненный глухими ставнями.

Ольги не было долго. Он вышел из дома и терпеливо ждал на крыльце, когда увидел ее, выходящую из маленького деревянного туалета. Вздохнув, он вернулся на кухню и, зачерпнув воды из чана, поставил на конфорку кипятить.

Когда он вернулся в комнату, Ольга уже сидела на тахте, баюкая свой живот. Он подошел к ней, держа в руке банку с розовой водичкой.

– Пей.

– Что это?

– Марганцовка. А потом выпьешь отвар черемухи, и все пройдет. Ты траванулась какой-нибудь дрянью. Что ты ела вчера?

– Не знаю. В самолете только и здесь.

– Пей. Может в самолете съела что-нибудь несвежее.

– Может.

– Знаешь, пойдем-ка лучше на улицу, там выпьешь, а то опять вырвет и не добежишь.

– Тогда зачем пить.

– Желудок промыть. А потом черемуха закрепит тебя. Иди, выйди.

Ольга кивнула, поднялась, взяв банку, и медленно побрела к двери. За домом она, морщась, выпила полбанки, подождала. Ее больше не рвало. Тогда она вернулась к двери и села на крыльцо, поджав колени и уперев в них подбородок. Сидела она долго, не замечая времени, пока не почувствовала, что возле нее кто-то появился. Подняв голову, она увидела Андрея, сядившегося рядом. В руках у него была алюминиевая кружка, из которой дымил.

– Не знаю, горячее можно тебе или нет, – проговорил он, задумчиво разглядывая варево.

– Давай.

Ольга взяла у него кружку и пригубила.

– Пить можно.

И она стала медленно цедить.

– Сейчас все успокоится. Хотел дать тебе уголь, не нашел у этого дурака.

– Какой уголь?

– Да таблетки. Чтобы живот не болел.

– А. Я дочери их даю, чтобы газы вышли.

Они сидели рядом: она пила отвар, а он молча смотрел в темное звездное небо. И тут, то ли потому, что у нее стихла боль, то ли потому, что Андрей мирно сидел рядом с ней, Ольга вдруг поняла, что не боится его. Да и автомата у него в руках уже не было.

– Я пойду, лягу? – спросила она.

– Иди, тебе нужно поспать.

Она кивнула, поднялась и вошла в дом. От слабости у нее дрожали ноги, и на лбу выступила испарина. Подойдя к тахте, она свалилась на нее боком и почти что потеряла сознание. Потом это безучастие перешло в сон, сначала мучительный и полный кошмаров, а потом крепкий и здоровый.

Проснувшись Ольга, когда солнце проглядывало в щели ставень. Она повернулась на спину и вытянулась, чувствуя себя здоровой. Легкое одеяло сползло с нее, и она, глядя на

него, улыбнулась, подумав, что вчерашний похититель, взявший ее в заложники, сегодня позаботился, чтобы она не замерзла во сне.

– Проснулась?

Ольга так разнежилась в одиночестве, что даже вздрогнула, быстро поворачиваясь и садясь. От резкого движения у нее потемнело в глазах и к носу прилила кровь. Но ей тут же стало легче, и она взглянула на Андрея, стоявшего в дверях кухни. Парень был в клетчатой рубашке с закатанными рукавами и с распахнутыми полами, и в полосатой майке. Рубашка явно была из запасов его дальнего родственника и висела на нем, но выглядел он, в общем-то, неплохо.

– Идем завтракать.

Ольга кивнула. Поднявшись, она огляделась.

– Умойся во дворе. Там на крючке есть полотенце. Ты слышала, как ночью лаял Гром?

Ольга покачала головой и пошла умываться. Спустившись с крыльца и оглядевшись, она увидела умывальник, приделанный к одному из столбов. Там же, на полке, стоял стаканчик с зубной щеткой и тюбик лесного бальзама. Ольга взяла пасту и выдавила немного на палец, чтобы не пользоваться чужой щеткой. Умывшись, она вернулась в дом и, зайдя на кухню, споткнулась об автомат, приставленный к стене.

Андрей усмехнулся. Он сидел на табурете возле стола и, склонившись, притянул автомат к себе, прислонив его к ноге.

– Садись и ешь. Я тебе сделал чай с медом. Вот сухари, бери.

Желудок ее был пуст, и есть хотелось. Она взяла свою чашку, бросила туда из вазочки сухариков и стала мешать.

– Послушай, Оля, я хочу с тобой поговорить серьезно, – сказал Андрей, отложив недоеденный кусок хлеба с салом, и стал отряхивать руки. Делал он это нервно и усердно. – Тебе придется съездить в Подольск. Съездишь?

– Ты же взял меня в заложники.

Андрей с грохотом вскочил с места, откинув автомат, и с размаху ударил кулаком в стену. Ольга сжалась, не шевелясь.

– Из всех дебилов... – начал он с яростью и тут же прервал себя. – Ладно. Значит ты заложница, да? Тогда убирайся отсюда. Вон дверь, уходи. И можешь проваливать хоть куда. Иди и настучи на меня ментам.

– Успокойся.

– Давай, катись отсюда!

– Успокойся, Андрей. Андрей, успокойся. Ты хотел мне что-то сказать? Я должна буду ехать в Подольск, да? Что там мне сделать? – Ольга говорила быстро, испуганно следя, как багровые пятна начали сходить с лица парня. – Скажи, Андрей, я все сделаю.

Парень криво усмехнулся, поднял табурет и сел.

– Разве я плохо обращался с тобой? – сипло, севшим голосом, спросил он.

– Нет, Андрей, спасибо тебе.

– Ладно. Я попал в беду. Давай, я все расскажу тебе, тогда, может, ты лучше поймешь ситуацию.

Андрей встал, поднял с пола автомат, провел ладонью по его стволу, потом приставил к двери подальше от стола, и снова повернувшись, сел на табурет.

Ольга следила за ним, рассеяно болтая в медовом чаю окончательно размокшие сухарики.

– Я подписал контракт в Чечню и ждал отправки, когда увидел по телевизору, как пацаны попали в аварию. Там горел автобус со школьниками. Одному отрезали обе руки, второму – одну. Этот второй – мой брат, семиклассник Олег Коренев. Если у тебя никогда не было младшего брата, который умнее и лучше тебя, ты ничего не поймешь. Олег в чет-

вертом классе решал за меня задачи по алгебре и физике и писал сочинения. Он играл на гитаре и пел не хуже Иглесиеса-старшего, по шахматам обыграл областного гроссмейстера, а на выставке юных техников получил премию за лучший комбайн, – говоря это быстро и горячо, Андрей то и дело вытирал лицо, словно все время потел. – В доме у нас постоянно все ездило и передвигалось, а стены были увешаны его картинами. Это ради него я подписал контракт. Я подумал, раз уж все равно в армии, почему бы не заработать на этом денег. Через четыре года Олег кончает школу, и гад я буду, если за это время не обеспечу ему приличного ВУЗа, чтобы он ни в чем не нуждался. Если все это время прослужить в Чечне, денег бы хватило с избытком, там и сержантская надбавка и все такое. А если бы я погиб, не беда, деньги бы перечислили матери, там и пенсия за меня. Им бы хватило на первое время. Так я рассчитал. Поэтому, то что я увидел, ударило меня по башке. Сначала я даже не поверил, так это было нелепо. Прямо из части я позвонил домой: трубку никто не брал. Я позвонил соседу: и тот сказал, что Олег в больнице, а мать дежурит там. Все во мне перевернулось. Я целый год в армию не мог уйти из-за матери, она перенесла инфаркт. А тут Олег в больнице, представляешь, что с ней сейчас. Черт его знает, как все потом получилось: капитан наш с заскоком. Я его по-человечески попросил отпустить меня в увольнительную, а он разорался. Я и послал его, – Андрей встал и прошелся до окна и обратно, потирая руки. – В общем, мы сцепились, и я дал ему так, что он врезался в стену. Понимаешь, я не мог сдержаться, когда он вмазал мне по роже. Я прямо взбесился, а тут он еще хватает из кобуры пистолет и наставляет на меня. Что мне еще оставалось делать? Я вырвал у него пистолет и подвел себя под приговор. Он разорался, в кабинет влетел дежурный, и я выскочил в окно, – Андрей сел и широко расставив ноги, оперся о них локтями. – Это бы еще ничего, послали бы меня в дисциплинарку или в штрафбат года на два-три, и на этом бы успокоились, вряд ли реальный срок повесили. А тут в воротах стоял Хохер и бросился на меня с автоматом: захотел себя показать. И главное, понимаешь, я вижу, как он отвел предохранитель, значит выстрелит сейчас, и мне каюк, и прав будет, долбак такой, у меня же в руке капитанский ствол, – Андрей замолчал, потирая лицо обеими ладонями, и продолжал: – Выстрелить в меня у него, конечно, духу не хватило, а я, как был в запале, вырвал у него автомат. Ко мне бежали ребята из патруля, я обернулся и дал очередь поверх голов. Они попадали на землю, а я выскочил за ворота и стал дезертиром. Потом встретился еще с той братвой, а они в бегах. У меня был автомат и пистолет, а у них – ножи и милицейская пушка. И мы пошли в первый же бутик. Я не бил продавцов, это сделали они, а потом захотели разобраться со мной. Я оказался быстрее их. Потом взял деньги и ушел. Приехал сюда, а мудило Жорик вложил меня ментам, – Андрей потрянул головой, глядя себе под ноги, потом поднял голову и посмотрел Ольге в глаза. – Ты поможешь мне?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.